

1997 год

ЗАЛОЖНИК СУДЬБЫ

Гремят гранаты, мины
и выстрелы гремят.
Взрываются машины
отчаянных ребят.

Из одного все круга,
но деньги огребя,
ведут отстрел друг друга,
а могут – и тебя.

Мне нечего бояться,
да ведь застрелит тать.
И надо постараться
свидетелем не стать.

Прочтёшь в любой газете:
«Заложники – в плену...»
Теперь играет дети
в разбой, а не в войну.

Сижу, читаю книжки
я целый день теперь.
Детишки-шалунишки
вчера сожгли мне дверь.

5 января 1997 г.

КРУИЗНОЕ

Не нуждаясь в загранике,
постоянно я в круизе.

Вижу Лондон, Прагу, Ниццу
и другую за границу
на тахте, в одной пижаме,
даже слышу их ушами.

Часто по миру кочую,

только запаха не чую,
чуть не в каждой – вылезая,
но совсем не осязаю.

и не пробую на вкус,
ибо я, увы, не туз.
Еду я, плыву, лечу
не туда, куда хочу.

С настроением хреновским
я смотрю в своей стране,
что Гусинский с Березовским
лишь показывают мне.

9 января 1997 г.

СИЛОВОЕ

Когда я был и глуп, и горд
и ставил областной рекорд,
всё было мало силы мне
в моих руках, ногах, спине...

Когда я штангу поднимал,
тогда ещё не понимал:
не бицепс – наших сил основа.
Нет ничего сильнее слова.

16 января 1997 г.

КАЛЬКУЛЯТОРНОЕ

Стихов не читают теперь пацаны,
на рынке стихи не имеют цены.

Для новых сегодняшних русских козлов
ведь цифры намного весомее слов,
поскольку они не умеют читать,
но на калькуляторе могут считать.

28 января 1997 г.

СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

В «телек» я гляжу. О, Боже!
Специфические рожи.

И, нельзя чем пренебречь,
специфическая речь,
будто все любимцы прессы
родом только из Одессы.

Из России, по идее,
уезжают иудеи.

Но, гляжу, они все тута
выступают почему-то.

Заволокин на экране
лишь играет на баяне.

Остальных как ни тряси ты –
поголовно «одесситы».

Получили мы рекламу
и в придачу – кучу хламу.

Не хотели коммунизм,
получили сионизм.

3 февраля 1997 г.

ТВОИ СТИХИ

Друг, кто бы ни был ты таков,
прожить не можешь без стихов.

Плохи они иль хороши,
стихи суть исповедь души.

И будь ты мученик иль тать,
твои стихи не могут лгать.

Я предскажу по паре строк
твою судьбу на долгий срок,
диагноз ставят как врачи

нам по анализу мочи.

5 февраля 1997 г.

ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ

Просто в рифму говоренье –
это не стихотворенье,
а симптом заболевания
под названием «графомания».

8 февраля 1997 г.

ВКУСОВОЕ

Мысль, что юмор – это вкус
намотал себе на ус.

Только с этим мне беда,
потому что вкус – еда.

А с едой всегда в стране
как-то было не вполне.

Проявляла интерес
к виршам мать – КПСС.

Всё хотела эта мать
их в милицию забрать.

Не по вкусу юмор мой
демократии родной.

Говорят, меня гоня:
вкус испорчен у меня,
цензор, мол, необходим.
Без него не издадим.

18 февраля 1997 г.

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ

От жизни я не жду прогресса,
но успокаивает пресса:
у новых русских будут внуки –
тузы культуры и науки,
в театрах все раскупят ложи,
и Третьяковы будут тоже.

Но всё ж меня гнетёт забота,
не верю я в их внуков что-то,
поскольку в них такие гены,
как у шакала и гиены.

24 февраля 1997 г.

ВЫСОКОЕ

Мне грозили пальцем свыше,
мол, веди себя потише.

Но Всевышний – выше всех,
на себя берёт мой грех.

Говорит он: «Молотков,
плюнь на этих мудаков!»

27 марта 1997 г.

СЕМЬ СЕМИТОВ

В журнале «Континент» в 1996 г.
перепечатана статья из «Файнэншл таймс»
о правящей в России группе семи банкиров.
Речь идет об альянсе Березовского
(объединенный банк, «ЛогоВАЗ», «Сибнефть»,
Аэрофлот), Потанина (первый вице-Премьер,
глава Онэксимбанка), Гусинского (Мост-Банк),
Ходоровского (Менатеп), Авена и Фридмана
(Альфа-Банк), Смоленского (банк «Столичный»),
Такое «неформальное» объединение
называется финансовой олигархией.

И варяг Россией правил, и татарин,
а теперь Гусинский, Фридман и Потанин,

Березовский, Ходоровский, Авен.
Крезу по богатству каждый равен.

Завершает список сей Вселенский
иудей ещё один – Смоленский.

Семь евреев ныне правят Русью.
Тяжко русским жить под этой гнусью.

Кое-как одеты и не сыты,
потому мы все антисемиты.

Всё у нас принадлежит евреям,
мы же вымираем и хиреем.

Почему не можем править сами?
Почему же мы под ними с вами?

Президент жидовствующий Боря,
через край с тобой хватили горя.

Ты и рыжий отпрыск твой Борисыч
уморили русских тыщи тысяч.

Государство с вами стало чистым,
всё отдали в руки сионистам.

«Русский ты?» – вопрос мне фарисейский.
Отвечаю: «Я теперь еврейский!»

Семь евреев правят нынче Русью.
Невозможно жить под этой гнусью.

Березовский, Ходоровский, Авен...
Я же нищ сегодня и бесправен.

28 марта 1997 г.

ЗАКОННОЕ

Когда в России руководство
разворовало производство,
забыв про стыд, про честь, про совесть,
приватизировало то есть, –

дала ему Госдума сразу
законодательную базу
и сообщила нам резонно,
что мы ограблены законно.

2 июля 1997 г.

К ВЫДАЧЕ ПАСПОРТОВ НОВОГО ОБРАЗЦА

Мы жнём плоды цивилизации:
у русских нет в России нации.

Соседи дальние и близкие,
мы просто граждане российские.

За нас давно дела житейские
решают люди иудейские.

При президентском попустительстве
они хозяева в правительстве.

На ум слова приходят бранные.
при чём тут паспортные данные?

22 августа 1997 г.

МЕМУАРНОЕ

Вроде бы, ну что такого –
мемуары Коржакова?

Он эпохи нашей – Репин.
Вождь его великолепен:

сранный и описаний,
пьяный и противный –
«всенародно избранный»,
«безальтернативный».

25 августа 1997 г.

О ВЗГЛЯДАХ

Спросили меня как-то гады,
мол, чьи отражаю я взгляды.

Не любишь, мол, ты президента,
ни слуг его, ни референта.

Считаешь, что, мол, его челядь –
одна нечестивая нелюдь.

Не любишь ты ни депутатов –
тех, что выбирает Саратов,

кавказцев клянёшь чернобровых
и русских не жалуешь новых,

мешаешь с дерьмом прохиндеев,
особенно из иудеев...

Когда свои вирши рожаешь,
чьи взгляды, скажи, отражаешь?

«Вы что же, не видите что ли?
Людей, у которых нет доли,

тех, что вы ограбили, гады!
Вот чьи отражаю я взгляды!»

25 августа 1997 г.

ДОБРОЕ

Толкуют мне подчас козлы:
«Злой Молотков Олег!
Твои стихи ужасно злы,
ты злобный человек!»

«Ну что вы? Что вы? – говорю, –
товарищи, друзья.
Негодованием горю
к кому, скажите, я?

Обидам, знаю, несть числа

врагам моим пером,
но зло, идёт что против зла,
является добром.

26 августа 1997 г.

КОГДА Я ГРУЗЧИКОМ СЛУЖИЛ...

Когда я грузчиком служил
в больничной кухне, не тужил.
меня собаки всех пород
всегда встречали у ворот.
За мной, резвясь, скуля и лая,
неслась собак бездомных стая.
и каждый пёс и стар, и мал
в лицо лизнуть меня мечтал,
поскольку я, без лишних слов,
им выносил котёл мослов,
распределителем был благ –
кормил собачий сей Гулаг.
Один – со шрамами, хромой,
сопровождал меня домой.
И у дверей сей верный пёс
сторожевую службу нёс.
Сих встреч торжественный обряд
моих был каждый день подряд.
Главврач всегда имел в виду,
что на работу я иду,
так оживлялись сразу псы,
и проверял по мне часы,
в душе, быть может, и кляня.
Народ собачий чтил меня,
в жару, и в снег, и под дождём,
поскольку был для них вождём,
мне приходилось вновь и вновь
терпеть народную любовь.
Я, занимая этот пост,
для них был мудр, велик и прост.

28 сентября 1997 г.

СПОНСОРА ИЩУ

А. Гнутову

Один лирический поэт
спросил меня: «Что, денег нет?
Тебе их кто-то должен дать,
чтобы прижизненно издать».
Ответил я: «Болтать горазд!
Да кто ж мои стихи издаст?»
На что поэт мне возразил:
«Их тьма – финансовых верзил –
желают в жизненном пути
народу пользу принести.
К примеру, адрес сей не нов.
Есть меценат – «Купец Кайнов».
И я пошёл, сказал: «Привет!»,
мол, на издание денег нет.
Ответил он: «Едрёна мать,
а что ты хочешь издавать?»
«Да мне сатира по плечу,
и я издать её хочу!»
Сообразил Кайнов в момент:
«Герой сатиры – президент?!
Да за него и эту власть
готов порвать тебе я пасть!»
Подумал я тогда: «Глупец,
да разве денег даст купец?»
Себе сказал я: «Погоди!
Победа наша впереди.
Под зад коленом им дадут,
меня посмертно издадут».

28 сентября 1997 г.

**ЭПИТАФИЯ,
сочинённая чуть ранее, чем нужно**

Лежащий тут мужик стервозный
сжёт Белый дом и город Грозный.
Любой прохожий, в знак протеста,
пойди и плюнь на это место.

1 октября 1997 г.

КРАТКОЕ

Короткий стих поэм похлеще.
По сердцу мне коротки вещи.

29 октября 1997 г.

НЕ ОТКАЖИ!

Об лёд свой век как рыба бьюсь,
жизнь крутит круговертью.
Совсем не смерти я боюсь,
а жизни перед смертью.

«Не откажи! – у Бога я
прошу с улыбкой кроткой, –
пусть будет долгой жизнь моя,
а смерть – пускай короткой»

12 декабря 1997 г.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ

На базаре – мясо, куры...
Там не до литературы.
Книгу хочется поэту,
говорят: «Гони монету!»

Говорят, мол, постарайся,
съежься, как-нибудь издайся.
Плохо будет впереди?
Ну, займи! Ну, укради!

Был бы я поэтом серым,
но мультимиллионером,
поэтическим бараном
и богатым графоманом,
я бы, может быть, и сдался,
я за свой бы счёт издался,
если б денег не считал.

Только кто б меня читал?

1997 г.

1998 год

КРОВАВОЕ

В боях за Киев и Ростов
Деникин не вручал крестов.

У нас, хоть верится с трудом,
герои есть «за Белый Дом».

Их звёзды, что ни говори,
как президент наш, все в крови.

5 января 1998 г.

РАССТРЕЛЬНОЕ

Мы знаем все, что Сталин – зло,
что нам с вождём не повезло,
поскольку были лагеря
и что расстреливал он зря.

Но если бы он был среди нас,
я уверяю, что сейчас
никто б ему не попенял,
Каб наших гадов расстрелял.

22 января 1998 г

НЕПЕРЕДАВАЕМОЕ

Должен, как пастух, стеречь их,
но он голоден и гол.
инженер душ человеческих
в гости к спонсору пришёл.
Со спиной стоит он гибкой,

неуверенный такой,
и с угодливой улыбкой,
и с протянутой рукой.
Нищий гость великолепен.
Просит он себя издать.
Нужен Суриков и Репин,
чтоб такое передать.
Даже встать на четвереньки
и хвостом готов вилять.
Он бормочет: «Деньги! Деньги!
где их взять, едрёна мать?!»
«Денег я не дам, несчастный,
вот такой тебе ответ,
даже если ты прекрасный,
Замечательный поэт!»
Эту встречу с русским новым
нашим внукам не видать.
Это Шилов с Глазуновым
неспособны передать.

28 января 1998 г.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ

Теперь, когда стихи – товар,
я выношу их на базар.
Но прёт, молчание храня,
честной народ мимо меня.

«Купи, – толкую, для души!»
мне отвечают: «Не смеши!»

Теперь сплошной алкоголизм
и чистый материализм.

Идеализма нет ни в ком,
не каждый даже с ним знаком.
а у кого и есть душа,
то за душою – ни гроша!

И прёт, молчание храня,
честной народ мимо меня.

29 января 1998 г.

Б...

Несчастливы мы в своей судьбе:
Россией правят все на «бе».
Я приведу тебе пример:
наш президент, вице-премьер,
а главный босс, их бог бесовский –
Борис Абрамыч Березовский.

21 февраля 1998 г.

КЛАССИЧЕСКОЕ

Лет черед двадцать – двадцать пять
простой российский обыватель,
не знаю, будет ли листать
мои творенья, как читатель?
Не знаю, будет ли страдать,
заплачет или засмеётся?
«Нам не дано предугадать,
как слово наше отзовется».

30 марта 1998 г.

КРИЧИМ

У нас со слухом нелады,
и мы кричим на все лады.

Ещё вчера любой балбес
кричал: «Долой КПСС!»

Теперь опомнился чудаки,
смекает: что-то тут не так.
Не зная, кто его надул,
кричит сегодня: «Караул!»

16 апреля 1998 г.

ИСТИНА

*Редактору одноимённой,
запрещённой властями
саратовской газеты,
патриоту своей Родины*

Хочешь стой, а хочешь падай...
Но назвать газету «Правдой»?

Как я сам считаю лично –
это просто неприлично.

Правда – штука сложная,
очень часто ложная.

Ложь бывает скользкая,
правда – комсомольская.

Ложь бывает мерзкая,
правда – пионерская.

Слово против воронья
без правдивого вранья
с силою убийственной
называют истиной!

29 апреля 1998 г.

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Родная Отчизна, уж ты нас прости,
мы празднуем День независимости.
А это большой, разумеется, грех,
когда мы сегодня зависим от всех.

6 июля 1998 г.

xxx

Пою я песню грустную
в моём родном краю,
поскольку боль я чувствую
чужую, как свою.

17 июля 1998 г.

БОЛЕЗНОЕ

Проходят дни, проходят ночи
и жизнь становится короче.

Нас медицина страховая
всех давит с силою трамвая,
и мы уходим в Божье царство:
у нас нет денег на лекарство.

21 июля 1998 г.

ДУШЕВНОЕ

Любой поэт, когда не врёт,
свою на части душу рвёт.

И он, вещая как пророк,
её вставляет между строк.

А круг читателей большой
читает стих своей душой,
что выше облака парит,
с его душою говорит.

29 августа 1998 г.

ДОРОГИМ ЗЕМЛЯКАМ

Наш Саратов Сары-Тау
приобрёл дурную славу,
хоть и славен он веками
дорогими земляками –
демократом нашим дерзким
Николаем Чернышевским.
Был судьбою нам подарен
И Столыпин, и Гагарин.
Боже, память сохрани
о Вавилове Н.И.!

Но родимый Сары-Тау
всех обрѣк их на расправу.
И из тех, кто Богом послан
и известности добился,
кто на каторгу был сослан,
кто застрелен, кто разбился.

Дома спи и пей «какаву».
Чтобы не сгустились тучи,
в нашем славном Сары-Тау
не высовываться лучше.

3 сентября 1998 г.

ОРАЛЬНОЕ

*«Я завидую Монике Левински»
Д.Ф. Аяцков*

С Мерлин Монро от первой леди
гулял когда-то Джон Кеннеди.

Он этим очень увлекался,
от дел великих отвлекался.

Бил Клинтон – высокоморальный,
предпочитает секс оральный:
и в связь вступить любая рада,
и много времени не надо.

А глупой Монике Левински,
что поступила с ним по-свински,
весьма завидует новатор,
любимый нами губернатор.

Осталась от социализма
у нас идея попу-лизма.

Мы это дело так любили,
что государство погубили.

У нас таких, карьеры ради
ну, небрезгливых, так сказать,

до чѣрта, что лизали сзади,
готовых спереди лизать.

6 сентября 1998 г.

ПОДСУДНОЕ

Обличая верхи,
что нам беды несут,
выдаю я стихи
добрым людям на суд.

И про то, и про сѣ
иронический стих.
Вам, конечно, не всё
может нравиться в них.

Я бросаю в бои
строчки смутных сих дней.
Это дети мои:
кто глупей, кто умней.

Вы, за глупых браня,
бейте мне по рукам,
но судите меня
лишь по лучшим стихам.

13 сентября 1998 г.

ГУСЬ ЛИСЕ НЕ ТОВАРИЩ

Всё это не ново, а даже старо:
евреи дерутся за наше добро.
Когда собираются ратью на рать –
Гусинский Лисовского может сожрать.

14 сентября 1998 г.

ПАМЯТИ В.М. ШУКШИНА

Есть на Руси обычай дикий
хвалить творца, когда помёр.

Шукшин не знал, что он великий
артист, писатель, режиссёр.

14 сентября 1998 г.

БЕСПОКОЙНОЕ

Скоро мне в земле покоиться,
вроде б надо успокоиться.
Но Отчизны бедной бедушки
не дают покоя дедушке.

У меня симптомы старости
подавляют взрывы ярости.

Вижу, толку нет от критики
разорительной политики.
Богородица-пророчица!
Автомат взять в руки хочется!

17 сентября 1998 г.

СПЕШУ

Я слишком поздно начинал,
затылком чувствую финал
и по дистанции чешу:
пишу, пишу, пишу, пишу...
Обидно будет, если вдруг
меня по темечку недуг
ударит и отправит в рай,
где благодать и вечный май.
Тут всё как раз наоборот,
не так везде живёт народ.
Его печалю и смешу,
но я спешу: пишу, пишу,
как будто бы хочу успеть
свою мелодию допеть.

17 сентября 1998 г.

СЛУЧАЙНОЕ

«Тому, кто на меня нападает,
Я откушу голову вместе с ушами»
Д.Ф. Аяцков, 23 сентября 1998 г.

Этот стих под чёрной тучей
я пишу на всякий случай.
Кто читал мои творенья, –
принимайте уверенья,
в том, что редко чрезвычайно
люди мрут у нас случайно...
Если я «случайно» сгину,
вдруг попавши под машину,
иль с балкона упаду,
удавлюсь – имей в виду:
это значит меня сбили,
уронили, удавили
губернатора друзья
иль холопы, иль князья.
Это, граждане, не блеф.
Так скончался Рохлин Лев.

23 сентября 1998 г.

К выступлению 3 октября 1998 года

Читал на митинге протеста
свои стихи, хоть был простужен.
Дошло бы раньше до ареста,
ну, а теперь кому я нужен?

Но тут я, к счастью, ошибался,
что превратятся строчки в прах,
поскольку тип там ошивался
с видеокамерой в руках.

За мощным торсом президента
ОМОН, милиция, войска...
И потому шуршала лента,
меня снимало ФСК.

Я навсегда запомнил дату
и мне оказанную честь.
У них нет денег на зарплату,

а на такое – деньги есть.

12 октября 1998 г.

КАВАЛЕРИЙСКОЕ

Рубил пехоту панскую
и всадников рубил –
отец ещё в Гражданскую
в полку комэска был.

В рядах как будто конницы
несусь, ору, как псих.
Не сплю не от бессонницы,
а от стихов своих.

Как только тему выстрою
спрессованных идей,
скачу я рысью быстрой,
меняю лошадей.

Всю ночь воюю с татями,
чуть прикорну в седле, –
с сургучными печатями
пакет вручают мне,

Как командиру красному,
живущему войной,
усталому, несчастному –
сюжет очередной.

1 ноября 1998 г.

СОКРОВЕННОЕ

Свои я мысли сокровенные
в стихи вношу проникновенные
и факты жизни незаметные
в свои творения заветные.

Товарищи из алкоголиков
смеются надо мной до коликов,
взирают как на ненормального

из мира нематериального.

Поскольку я не их среды
и не ищу какой-то выгоды, —
всю жизнь мою считают драмою,
велят заняться мне рекламою,
раз уж такая есть профессия...
Но ведь реклама — не поэзия.

5 ноября 1998 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

На Руси толкуют часто:
разных наций полтораста.
В этом смысле все мы чисты —
интернационалисты.

Потому у нас равны
все народности страны.

Возразил товарищ: «Хрен-то!
те, которых полпроцента,
захватили в свои сети
всех богатств страны две трети.
Вот у нас такое диво!
Разве это справедливо?!»

13 ноября 1998 г.

ПАРТИЙНОЕ

Распалось общество на части.
Живём потому в несчастье.

Была у нас одна «часть» ране
и вызывала много брани.

А ныне не одна их — сотня.
Бранятся граждане сегодня.

Все своё дело знают туго
и не хотят понять друг друга.

Я никогда не буду частью,
акулою с открытой пастью,
и на листках партийной прессы
рвать люд за чьи-то интересы.

29 ноября 1998 г.

О ТВ

Оказалось, с перестройкой –
русский дух у нас не стойкий.
И уже десяток лет
на экранах русских нет.

Говорят слова бодрящие
русским русскоговорящие.

2 декабря 1998 г.

25 ЛЕТ СПУСТЯ

Когда-то в сорок лет типичным
был юмористом ироничным.

Хоть в жизни было много кочек,
но смех искрился между строчек.

Теперь – совсем другое дело,
и улыбаться надоело.

А на душе и сердце вялость
холодных и голодных дней,
И ничего уж не случилось
в них от весёлости моей.

8 декабря 1998 г.

О СОВЕСТИ, АНДРЕЕ ПЕРВОЗВАННОМ И НАГРАЖДЕНИИ Г.В. СЕЛЕЗНЁВА

Вот тот самый орден

с брильянтом на цепи,
что стал в России моден,
наш спикер нацепил.

Сам Ельцин, по газетам,
вручил его тузу,
а тот пускал при этом
умильную слезу.

От ордена престранного
Андрея Первозванного,
чем наградили давеча
писателя Исаича,
характер тут сказался,
писатель отказался.

Пришёл в Кремлёвский зал
и публике сказал:
«Мне от святой награды
сомнительная честь,
когда такие гады
в стране российской есть».

О чём же эта повесть
из нынешних газет?
У одного есть совесть,
а у другого нет.

14 ноября 1998 г.

А ПЕЧАЛЬ МОЯ БЫЛА ЦВЕТА ВОРОНА КРЫЛА

Раз, сочувствием влекомый,
у меня спросил знакомый
составитель местных хроник:
«Ты случайно не дальтоник?
Почему ты всё на свете
видишь только в чёрном цвете?»

Я ответил хроникёру,
чья карьера лезла в гору:
«Ночь над нашей страной
не прошёл я стороною,

чуждый солнечным лучам,
и пишу я по ночам.

19 декабря 1998 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ И.С.

Мы в борьбе себе добыли
жребий илиотский.
Ёся Сталин Джугашвили
и Бронштейн – Лев Троцкий.

Мы с портретом Ёси знамя
поднимали дюже.
Если б Лёва был над нами,
было б ещё хуже.

21 декабря 1998 г.

КОМПРЕССИОННОЕ

Жизнь меня не баловала,
в этом нет моей вины.
Побывало строчек мало
в типографиях страны.

Раньше я писал в газете
строки, полные огня,
но уже никто на свете
не печатает меня.

В этом деле я профессор,
у меня такая прыть,
может только мой компрессор
смерть одна остановить.

Мяч накачан. На пределе –
вплоть до самых потрохов.
От удачи загудели
строчки, полные стихов.

А душа, что их скрывает,
превратится скоро в блин.

Так давление разрывает
рыбу, взятую с глубин.

23 декабря 1998 г.

ДИССИДЕНТЫ

Диссидентны русские –
все Андреи Курбские,
Начиная с Герцена.
всем им хер цена!
Разве молодечество,
чтоб словами смелыми
обличать Отечество
за его пределами?

24 декабря 1998 г.

ОТРАВА

Яд стихотворного дурмана
меня влечёт как наркомана.

Я, правда, слышал от поэта,
что очень трудно делать это,
мол, это тяжкая работа,
но я не верю в это что-то.

Пусть даже Богом ты помазан,
писать стихи ты не обязан.
Я и в тюремной одиночке
Лишь для себя слагал бы строчки,
на самом дне любого ада,
и гонорара мне не надо.

27 декабря 1998 г.